

Как потомки К.Ф. Миллера в Рязани жили?

Обманчивая близость XIX в. во времени и пространстве помогает думать, что мы хорошо представляем жизнь людей той эпохи, но знакомство с документами, показывает степень нашего заблуждения. В связи с этим, одним из востребованных направлений сейчас становится история повседневности. На данный момент уже сформировался круг вопросов и источников (из вербальных источников, преимущественно, мемуары), используемых для подобных исследований. Но на наш взгляд, не хватает «независимого» взгляда современников. Этот недостаток можно компенсировать комплексным изучением такого специфического источника как материалов уездных дворянских опеков, которые хранятся, в основном, в фондах уездных опеков, губернских правлений и уездных судов. Они включают указы о принятии в опеку, описи движимого и недвижимого имущества, ежегодные отчеты опекунов, переписку о проблемах включения и нахождения в опеке. Уникальность данного источника в его противоречивом характере: массовости, с одной стороны, и индивидуальности, с другой. Он позволяет изучить достаточно полно историю дворянства, в целом, так как набирается необходимое количество статистического материала, вместе с тем проследить судьбу отдельного дворянского рода как представителя российской элиты.

Круг вопросов, которые можно «с легкостью» решить в ходе изучения данных материалов очень широк.

Ясно рисуются пути экономического развития дворянства. Так, например, одним из самых надежных источников для изучения экономической истории дворянства видятся ревизские сказки. Но материалы опеков показывают, сколько имений приносили доход своим владельцам, а не покрывали уже сделанные долги. А это существенно корректирует наше представление о материальном положении дворянства.

Материалы опеков позволяют реконструировать исторический ландшафт как сельской, так и городской России. В них встречается подробное описание домов и усадеб, всех категорий дворянства, из небытия «вырастает» преимущественно деревянная дворянская Россия.

Отчеты опекунов демонстрируют, каково было денежное обеспечение малолетних дворян: сколько тратилось на еду, одежду и обучение дворян. Число опеков по малолетству было велико, и, как правило, имения были в опеке ни один год, что позволяет проследить изменения в содержании воспитанников по мере взросления.

К тому же, это один из немногих источников, использование которого позволяет написать «женскую» историю благородного сословия. И одним из достоинств источника, на наш взгляд, является его возможности по постановке новых вопросов, ответы, на которые существенно дополняют наше представление о повседневной жизни дворянства. Наиболее интересные результаты, на наш взгляд, получаются, в результате полистового просмотра материалов, что затратно по времени, но складывающаяся картина того стоит.

В статье частично показано использование указанного источника на примере изучения судьбы потомков известного историка Герарда Фридерика (Федора Ивановича) Миллера, чей сын Карл в 1808 г. был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Рязанской губернии. Около 25 % всех дворян, внесенных в родословную книгу губернии, были включены в эту часть, т.е. в данном случае взят пример из достаточно представительной группы рязанского дворянства. Рододокладчик, Карл Федорович Миллер, по традиции того времени с 1756 г.

служил сначала по военной части, а потом по статской. Его сыновья (Александр, Владимир и Николай) в первой половине XIX в. связали свою жизнь со статской службой, дослужившись до чина коллежского советника. Они женились пусть не на очень богатых, но родовитых представительницах рязанского дворянства (Казначеевы, Пузины), а Николай породнился с рязанским купечеством. У младшего была дочь Екатерина, которая после смерти матери Настасьи Николаевны Миллер, в 11 лет вступила в наследство, её опекунами были назначены родственники по линии матери. Это может говорить о том, что родственников по линии отца скорее всего уже не было в живых. На момент внесения в родословную книгу за Карлом Миллером состояло 50 душ в Скопинском уезде Рязанской губернии, что было пусть небольшим, но достаточным имением для начала XIX в. В 1816 г. по-видимому в связи со смертью отца, имение было разделено между двумя братьями и сестрой. Соответственно Николай владел 28 душами крепостных крестьян. Важным представляется факт владения Миллерами в 1834 г. каменным двухэтажным домом в г. Рязани. На тот момент в городе из 1063 домов было всего 84 каменных.

И только материалы опеки дают нам возможность утверждать, что данное семейство находилось на грани разорения. Дом был построен в «непрестижном месте» - на набережной р. Лыбеди в мясных рядах. «...крыт железом, которое от некрашенности и давности изржавело и повсюду проходит течь. В оном доме 10 окон с перебитыми стеклами и сгнившими одиночными рамами без затворов... Покои разгорожены на три отделения, оштукатурены, но оный натуральный свой вид от давности или от жития в покоях черного рабочего народа потеряли свой вид.... Под оным домом в нижнем этаже две торговые лавки, как видно устроены были для производства торговли рыбой или мясом...». Очевидно, что средств семьи не хватало для содержания имеющегося имущества на должном уровне. Опись движимого имущества также указывает на невысокий достаток в семье, но по нему видно, что Миллеры в четвертом поколении уже стали частью рязанского дворянского общества по своим взглядам и привычкам. Так, сюжеты и количество икон, которые завещаны Екатерине Миллер, соответствуют предпочтениям и возможностям рязанских дворян: 3 иконы в честь божьей матери в серебряном окладе – наиболее часто встречающееся в описях имущество. Заметим также, что иконы чаще упоминались при описи имений, которыми владели дворянки.

Обращает на себя внимание отсутствие книг и вообще какой либо печатной продукции в описях, этот факт не совсем объяснимый.

По данным ревизий, она владела 5 дворовыми, но по описи дворовых у нее фактически не осталось. Только один Ефрем Антонов, 30 лет, находился в услужении. Двое жили подаянием, ещё одна находилась неизвестно где, а самая молодая Ульяна Иванова была отпущена на волю. Здесь главный вопрос в том, почему у молодой дворянки в услужении находился дворовый человек, в большинстве случаев дворянки старались оставить женщин-дворовых средних лет. Отец к этому времени уже умер, поэтому она жила у тетки купчихи в доме. Так, в 1835 г. на нее из её денег было израсходовано 49 рублей, в 1840 г. – 53 рубля. Увеличение расходов связано с взрослением девушки и необходимостью выхода в свет, но самые серьезные затраты на обучение (25 рублей на покупку книг) были сделаны только в 1835 г., тогда же она была привита от оспы.

Таким образом, материалы опеки позволяют если не по-новому, то более четко представить историю благородного сословия в частности в провинции. В данном случае они помогли увидеть, что переселившееся дворянство в третьем-четвертом поколении уже воспринимало бытовые привычки местного дворянства, и оно разорялось.